

люди искусства

Я работаю клоуном

Л. АСТРОВА

Имя Грока знали любители цирка во всем мире. Знаменитый швейцарский клоун был почетным доктором философских наук. В 1969 году в Италии Андрею Николаеву была вручена золотая «Маска Грока». Она присуждается международным жюри раз в два года и является высшим признанием клоуна. Среди советских цирковых комиков народный артист РСФСР Андрей Николаев — единственный ее обладатель.

...Освещенный лучом прожектора, на затемненном манеже появляется молодой человек в сером костюме. Звучит мелодия, лирическая и немного грустная. Песня рассказывает о том, как многолика жизнь, как в ней все перемешано — комическое и трагическое, запланированное и непредвиденное, великое и смешное. Как после упорного невезения вдруг вспыхнет свет ослепительной славы и как трудно удержаться на ее вершине. Еще труднее — балансировать между крайностями, в которые жизнь ежечасно бросает людей. И совсем трудно — остаться человеком.

Секунда — и вспыхивает яркий свет, совершая чудесное превращение мудрого поэта в клоуна: нос картошкой, на голове немислимый красный берет с хвостиком-морковкой, нелепо застегнутый голубой костюм, с загнутыми носками ботинки. — Здравствуйте, меня зовут Андриуша. Я работаю клоуном...

Он не случайно хотел стать драматическим актером. Цирковое представление Андрей Николаев видит как эксцентрический спектакль. Впрочем, сама эта идея зародилась давно, около полувека назад, когда молодой советский цирк, испытывая пору обновления, искрился поиском. «В таких условиях коверный становился центральной фигурой, цементирующей все номера в единое целое и задающей тон всему цирковому спектаклю, — вспоминает 30-е годы М. Румянцев (знаменитый Карандаш). — Между прочим, «спектакль» — здесь не случайное слово. В этом проявлялась еще одна новая идея: избегать эклектического набора номеров, объединять их, чтобы зрители и акробатику, и жонглирование, и другие номера воспринимали как части художественного целого».

Карандаш — его любимый клоун. Николаеву посчастливилось стать его партнером в дни кратковременной стажировки. Каждый вечер общения на манеже с выдающимся комиком превращался в полезный урок, преподаваемый замечательным мастером. Николаев из тех немногих, кто их по-настоящему воспринял.

Андрей Николаев искал такую художественную форму, которая выразила бы настроение времени, то, что волнует сегодня. Автор, постановщик и главный исполнитель задуманного спектакля, он должен был выйти к публике в открытую, как рыцарь с поднятым забралом. Он знает ее тайну: всем давно наскучили однообразные, хотя и технически сложные номера с полным отсутствием драматургии и комедийности в большинстве из них. Публика в цирке соскучилась по душевному волнению. От представления, как от спектакля или фильма, она ждет той же «порции» эмоций.

Старая клоунада, разыгранная «всерьез», современному зрителю кажется грубой, в лучшем случае наивной и неуместной. С другой стороны, саму клоунаду, замешанную на эксцентризме, гротеске и буффонаде, непозволительно оторгнуть от цирка: они неразлучны, а ее наивность — источник веселья, обязательного в цирке. Значит, все дело в том, как этот жанр преподнести. Нужно перекинуть «мостик» между старой клоунадой и

нынешним временем. Таким «мостиком» стало серьезно-ироническое николаевское переодевание прямо на манеже.

...Всего одна музыкальная фраза, и очень серьезный человек на глазах публики переодевается в забавника-клоуна. Здесь что-то от масок красочной дель арте, от ироничных переодеваний вехтанговской «Турандот», сверкающей эксцентрики мейерхольдовских и мудрой насмешливости акимовских спектаклей. Уже не бард, но еще и не совсем клоун, актер Николаев в костюме своего героя предлагает зрителю мешок улыбок — в прямом и переносном смысле слова: клоун Андриуша притащит этот мешок на манеж, актер-философ Андрей Николаев вместе с остроловом Андриушей полусерьезно скажет: «Здравствуйте, меня зовут Андриуша. Я работаю клоуном. А клоун должен смешить, вот я и стараюсь... А теперь давайте меняться: я вам улыбку, а вы — мне. Только предупреждаю — подачек не беру. Если не смешно, не смейтесь: всем улыбой не угодишь, даже доброй». И споет лирическую и шутивную, почти клоунскую песню. Пригласит посмеяться и пообещает смешить. Обещание выполнит. Расторопшит даже самых настроженных, заставит грохотать от смеха весь зрительный зал. И — заставит публику задуматься.

Между номерами клоун Андриуша выбегает поозорничать, каждый раз озабоченный новой затеей. Нужно попробовать пожонглировать и посмотреть, что из этого получится (может быть, даже научить зрителя!) — раз; показать фокус — два; подразнить напыщенного «шпреха», а заодно продемонстрировать своему другу-зрителю потрясающее умение вертеть жестяную тарелочку. Да мало ли дел!

Николаев быстро устанавливает контакт. Зрители охотно принимают условия игры. Пусть одни больше, другие меньше, но решительно все принимают условия игры. Потому что сам клоун в игру безоговорочно верит. Он отдается ей, как ребенок, естественно и органично. Взрослый, он словно недавно расстался со страной Детства.

Если художник сберет естественность, она обязательно сцементирует его творчество, станет для актера навсегда органичной и в жизни, и в искусстве. Константин Мусин и в шестьдесят лет остается ребенком без инфантильности; обезоруживающая детскость — главная черта Карандаша и Юрия Никулина; черты мудрой детскости несли маска Леонида Енгидина; а талантливейшей детскости Чаплина и знаменитого клоуна Грока ходили легенды. Такой детскости сопутствует внутренняя интеллигентность. Она не допустит ни бестактности, ни безвкусицы.

Андрей Николаев — из числа обладателей этого драгоценного таланта, в ком естественность и непосредственность — свойства души и маски. Недаром в одной из зарубежных рецензий о нем писали: «Это не клоун — он поэт».

Поэтический персонаж Николаева словно разделяет шекспировское «весь мир — театр, и люди в нем — актеры». Игра — главная составляющая его искусства, метод — стилизованная импровизация. Играя в клоуна, разыгрывая цирковой спектакль по законам драматургии, Николаев соединяет все представления о цирковых жанрах в единое понятие «зрелище». У актера Николаева в спектакле почти нет пауз — редкий номер идет без участия клоуна Андриуши. Его герой успевает подпрессировать курицу и забросить бутылку на трехметровый пром, балансируемый на лоб, шестом, а затем скакуне, отстреливаясь от

преследователей, и устроить комическую феерию на концерте «солиста ансамбля скрипачей самого большого театра», спеть романс под окном неизвестной красавицы и «обвенчаться»... с Бабой-Ягой. И невозможно понять, где кончается пауза, которую Николаев заполняет как коверный, а где начинается номер с его участием.

Поэтический цирк Николаева — торжество творческой энергии. Автор сценария, режиссер и актер, он безбоязненно нарушает современные традиции, используя в спектакле синтез искусств. Но вводя в цирковое зрелище элементы театра, эстрады и яркой мюзикхолльности, он не разрушает, а, наоборот, укрепляет представление о цирковой традиционности. Каждый номер — это короткий рассказ, выстроенный по законам эксцентрической драматургии.

Зрителю он дарит полную картину ощущений. Обогащает возможности циркового артиста, коверного комика в особенностях.

Можно было бы еще и еще описывать номера, репризы Андрея Николаева. Все они яркие, интересные, но главное в том, что на манеже — личность.

Случись иначе, и, возможно, на драматической сцене появился бы еще один талантливый актер, остро чувствующий природу трагикомического. Но сложилось так, что в театральном институте Андрей Николаев не поступил, а после десятилетки стал студентом только открытого в ГУЦЭИ отделения клоунады и музыкальной эксцентрики. Освоив почти все жанры цирка, он, не в пример многим его коллегам, не отказался от яркой буффонности образа и репертуара, не превратился в эталон безликого циркового универсала, понимая клоунаду как особый вид драматического искусства, профессию клоуна — как самую синтетическую, а потому труднейшую из лицевых.

К своему представлению о цирке — не только ослепительно-праздничном, обязательно веселом, но еще и философском — Андрей Николаев шел целеустремленно и самоотверженно.

Мужество и твердость духа, собранность и честность художника были особенно подходящими в наиболее ответственные моменты жизни. И на Европейском фестивале циркового юмора в Софии в 1965 году, где он поделил первое место с известным болгарским клоуном Тошю Козаровым. И в 1968 году, когда в одном из австралийских городов на пятом месяце гастролей он на утренней репетиции упал с неисправного трамплина, исполняя сальто в кольце в номере Бернадских. До сих пор никто не понимает, как он отыграл премьеру в этом городе, убежав от врачей в цирк... с переломом позвоночника. И через год, в 1969-м, когда о случившемся никто и не подозревал, и на конкурсе клоунов он получил «Маску Грока», покорила международное жюри безудержной веселостью своего героя и одновременно мягкой интеллигентностью (к тому же Николаев разговаривал с мильянами и пел на итальянском языке).

Особые личностные качества еще раз потребовались, когда в 1976 году он решил уйти с манежа, чтобы сделать еще один ответственный шаг. Будучи к тому времени профессиональным режиссером цирка и педагогом кафедры эстрадной режиссуры ГИТИСа, он с группой энтузиастов создает в московской дирекции «Цирк на сцене» спектакль «Я работаю клоуном». Сценический вариант спектакля был во многом экспериментальный. И этот эксперимент удался.

В 1979 году Николаев вернулся на арену, чтобы осуществить свою давнюю задумку — создать комедийный цирк. Большой эксцентрический спектакль, целиком состоящий из комедийных номеров, который автор, режиссер и актер Андрей Николаев постоянно пополняет новыми.

Сегодня он, доцент ГИТИСа, требует от своих студентов — а среди них немало известных мастеров эстрады — мужественного отношения к профессии. Какое он воспитал в себе сам, работая клоуном.

● Народный артист РСФСР Андрей Николаев.

Фото А. Шибанова.